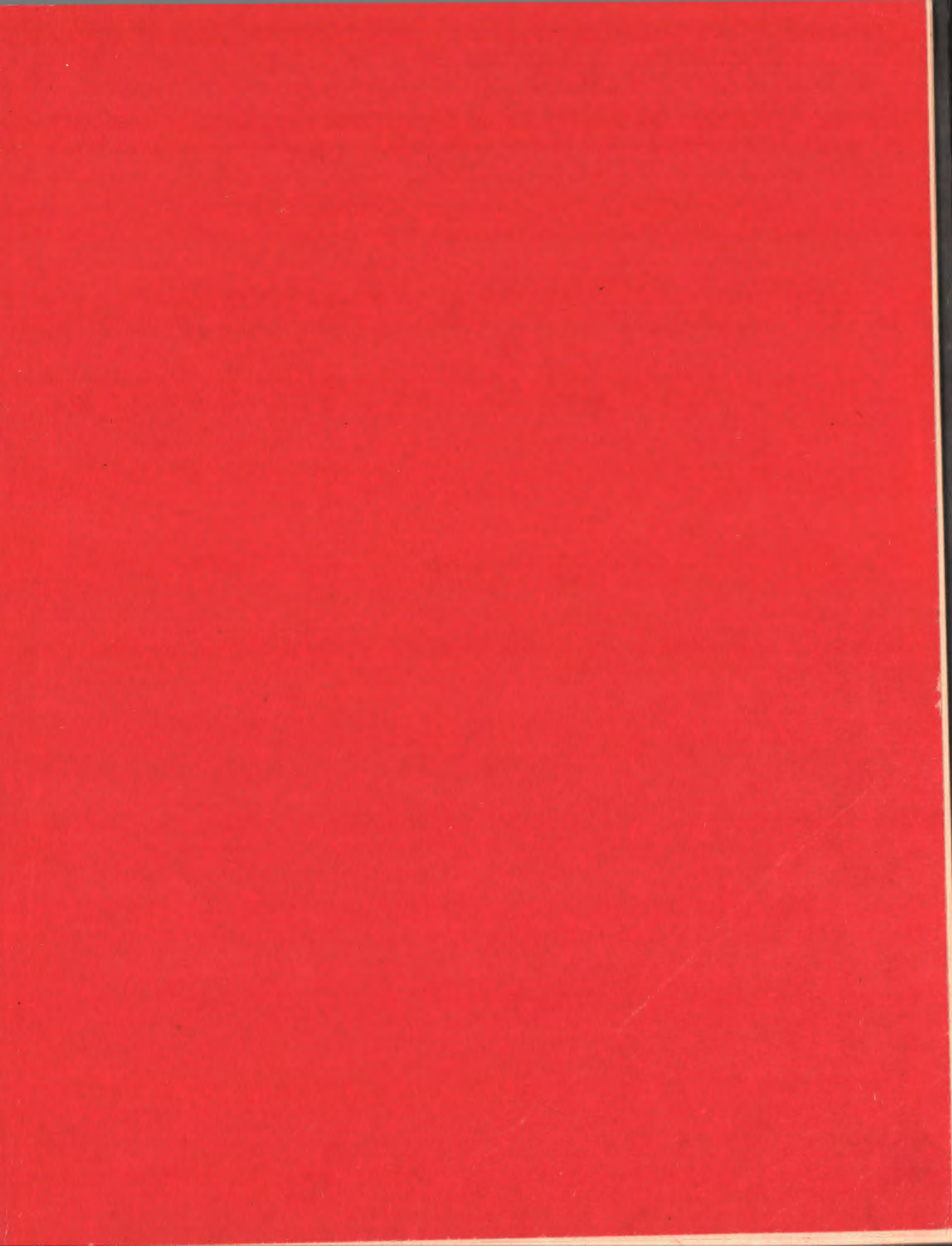

А. КУЗЬМИН

БАШМАКИ- ПРОСТАКИ

Л. КЕУЗЬМИН

БАШМАКИ-ПРОСТАКИ

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1967 год

Поздравляю
тебя с женскими
днями. От Саши Пирова.

Художник С. МОЖАЕВА

КОРОЛЬ БОЛТУНИАН ЧЕТВЁРТЫЙ

Охота сказку?
Что ж, изволь...
Сядь рядышком со мной ты
Да слушай, как жил-был король
Болтуниан Четвёртый.
Он шей, конечно, не варил,
Не сеял в поле гречи,
Он во дворце лишь говорил
Надменным тоном речи.
Он каждый день учил народ
С раскрашенного трона,
Что раскрывать не надо рот,
Когда летит ворона;
Что стричь котам усы нельзя;
Что это преступление —
Не дав ни капельки друзьям,
Есть одному варенье!

Народ владыку своего
Всегда прилежно слушал
И наставления его
Ни разу не нарушил.
Народ не то что нарушать,
Не мог и кашлять даже...
Поди посмей-ка возражать,
Коль в спину смотрят стражи!
Но вот один
Простолюдин,
Умелый,
Смелый
Парень,
Был позван вычистить камин
От сажи в тронном зале.
Верёвку парень привязал
И, лишь в трубу спустился,
Как в этот час
В пустынный зал
И сам король явился.
Не видя парня, он схватил
С вареньем вкусным вазу
И всё варенье проглотил
Без передышки, сразу!
Потом поймал кота в углу
И, поиграв немножко,
Коту усы —
Чик-чик! —
Остриг
И выбросил в окошко...
А там вороны у ворот
Скакали, зло судача,

И, широко разинув рот,
Король считать их начал!
Но тут проделок короля
Не вытерпел парнишка.
Он крикнул громко: „О-ля-ля!
Король! Да вы лгунишка!
Давным-давно, как я смотрю,
Не место вам на троне!“
И подошёл он к королю
И стукнул по короне...
Король упал,
Король вскочил,
Король, не взвидя света,
По пышным залам что есть сил
Помчался, как ракета!

Он в небо турманом взлетел
Без туфель, без короны,
А вслед ему народ свистел
И каркали вороны...
На чужеземный пароход
Он, чуть дыша, свалился
И, не успев захлопнуть рот,
За горизонтом скрылся.

И вот народ
Без короля
Теперь живёт, не тужит,
Врунам не кланяется зря,
А сам себе он служит.
Решает сам,
Своим умом,
Что хорошо, что плохо,
И навсегда
Высокий трон,
Став общежитьем для ворон,
Зарос
Чертополохом!

БАШМАКИ-ПРОСТАКИ

Два простака,
Два башмака
В осенний день издалека
Шли по глубоким лужам.
Один шагал без каблука,
Второй был худ и без шнурка,
И, кажется, простужен...

Один башмак
Вздыхнул с трудом:
„Сейчас бы нам увидеть дом
С затопленной печкой,
Тогда бы там нашлись для нас
В кастрюлях каша,
В кружках квас...“
Другой сказал:
„Конечно!“

Один промолвил:
„А за кров
Хозяйке мы наколем дров!
Поленниц пять примерно...
У нас же есть
С тобою честь:
Не станем даром пить и есть!“
Второй ответил:
„Верно!“

И вот пред ними встал дворец.
Воскликнул первый:

„Наконец,
Нам повезло на свете!
Кругом собаки, правда... Но
Давай стучаться всё равно“.
„Давай“, —
Второй ответил.

А во дворце жил Фон-Барон.
Разбужен ранним стуком, он
Кричит слуге с постели:
„Эй, кто устроил тарарам?
Что за нахалы нынче к нам
Ломиться в дверь посмели?“

Слуга на барский зов бежит,
От смеха даже весь дрожит
И приседает даже:
„Два чудака,
Два башмака
Пришли к дворцу издалика
И очень просят... КАШИ!“

„Что? Башмаки под этот кров?
Гоните в шею дураков,
А то натащат пыли!
Дворец наш вовсе не таков,
Чтоб угощать в нём простаков...
Пусть бродят, где бродили!
Здесь только туфелькам почёт!
Лишь самый модный каблучок
Вхож на паркетные наши!
И надо знать, что никогда

Никто, ко мне придя сюда,
Не спрашивает каши..."

Ушли друзья... И Фон-Барон
С постели слез пуховой.
Уснуть уже не может он,
Слугу он кличет снова:
„Эй! Что за холод во дворце!
И в том, и в этом вот конце
Сосульки в ряд настыли.
Болит от стужи голова.
Сходили б туфли по дрова,
Камин бы затопили..."

Слуга в кулак подул,
Вздохнул:
„По этакой-то стуже
Не выйти туфелькам за дверь:
Для дела этого теперь
Покрепче кто-то нужен..."

„Так пусть шагают башмаки!
Ведь это ж, право, пустяки —
Пробить тропу до рощи!"
Ах, башмаки... Но их здесь нет!
Они от нас ушли чуть свет
К хозяевам попроще.

Они вернуться не хотят...
Они в избе теперь сидят
На самом лучшем месте.
Хозяйка им подносит квас
И говорит, что нет у нас
Ни совести, ни чести!"

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ

И ни в море, и ни в поле,
Ни за чашей, ни за тучей,
А в Перми, в начальной школе
Был такой вот странный случай.

Чемпион по сну и лени
Ученик Сергей Квашнин
Закричал на перемене:
„Я желаю жить один!
Я людьми совсем измучен.
Всюду все меня бранят:
В школе вечно счёту учат,
Дома шею мыть велят!

А ученье мне постыло,
Мыться тоже ни к чему...
Ах, куда бы лучше было
Жить на свете одному!"
Эту жалобу услышал
Хромоногий старый Джин:
Он давно под школьной крышей
В темноте чердачной жил.
Он давно уже не делал
Даже простеньких чудес,
Но на крик Серёгин смело
С чердака, хромая, слез.
Он покашлял и покрякал,
Дунул восемь раз подряд
И куда-то сразу спрятал
Всех — и взрослых, и ребят!

На земле людей не стало!
На земле теперь один
Жить остался глупый малый,
Вечный двоечник Квашнин.

Лодырь празднует победу,
Пляшет в классе трепака:
„Я сейчас домой поеду,
Пообедаю слегка,
А потом пойду на Каму
И портфель под пароход
Зашвырну — и сразу стану
Жить свободно, без хлопот!"

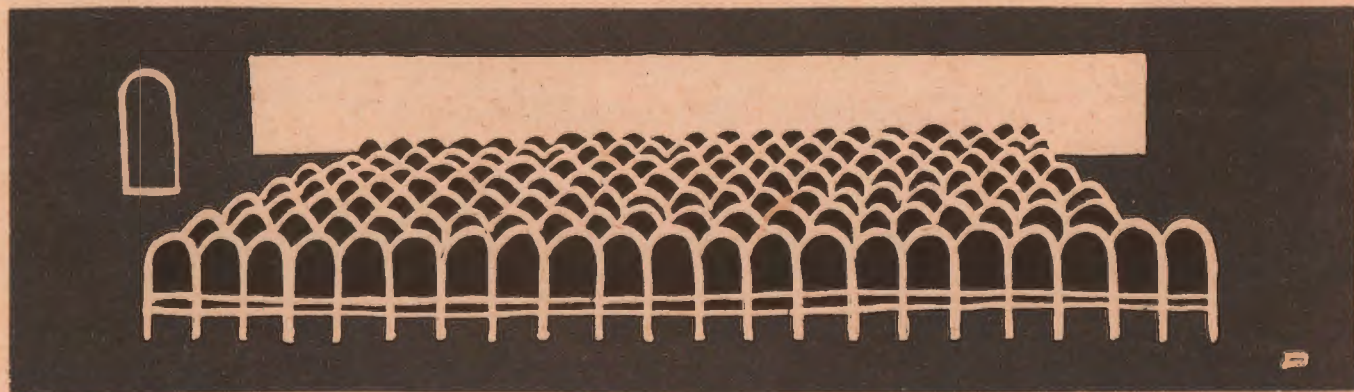
И уже, дневник пиная,
В лужу вышвырнув тетрадь,

Ждёт у школы он трамвая.
А трамвая
Не видать!
И не будет, если даже
Целый год тут ожидай...
Ведь людей-то нет! А как же
Без людей пойдёт трамвай?
Потоптался наш Серёга,
Поплевал на рельс прямой:
„Ну и пусть! Меня и ноги
Донесут к себе домой...“
И бежит он к дому лихо.
Дверь открыл... Но где ж обед?
В кухне пусто... В спальне тихо...
Никого в квартире нет!
Нет ни бабки, ни сестрёнок.
Мать навстречу не спешит.
Лишь в углу грустит котёнок,
Да в кладовке мышь шуршит;
Да бурчит живот Серёгин,
Срочно требуя еды...
Но храбрится наш Серёга:

„Это все лишь полбеда!
Парню хныкать не пристало.
Побегу сейчас в кино
И куплю там, как бывало,
Я в буфете эскимо!
Спрятан гривенник в кармане!
Проживу вполне...“
И вот
Перед ним большое здание,
На двери табличка: „ВХОД“.

И никто в дверях не спросит:
„Вам, товарищ, сколько лет?“
И никто в дверях не просит:
„Предъявите ваш билет!“
Заходи! И хоть до ночи
В креслах барином сиди,
На экран смотри. А хочешь —
Встань, меж кресел походи...

Но Квашнин голодный притко
Поначалу мчит в буфет,
Смотрит: всё кругом раскрыто,
А буфетчицы-то нет!
Нет и сторожа в буфете!
К полкам кинулся Квашнин:
„Что стесняться? Ведь на свете
Я теперь совсем один!“
И в минуту
Без разбору
В рот сумел он запихать
Сладких вафель дюжин сорок
Да конфет пригоршней пять!
А потом ещё, сверх сыта,
Крем с пирожного слизал,
Съел три яблока немытых,
Ковырнул арбуз разбитый

И поплёлся в кинозал...
Только в зале
На экране
Никакого нет кино.
Как в закрытом чемодане,
Там и глухо и темно.
Там совою эхо кычет,
Шевелится чёрный мрак;
Там Серёгу больно тычет
Кресло в спину, словно враг;
Злой ковёр опутал ноги —
На пути встаёт бугром...
Выбирая, где дорога,
Прыгнул в сторону Серёга —
И ударил в зале гром!
Повалились
Кресла
С треском
На лентя
В темноте!
Давят больно,
Давят тесно,
Жмут до рези в животе!
Бьют!
И некого Серёжке
Здесь на выручку позвать...

Ох, как страшно! Ох, как тошно
В одиночку погибать!
Взвыл Серёга сиплым басом:
„Милый Джинчик! Чудодей!
Нет, я больше не согласен
Жить на свете без людей...
Поколдуй скорее обратно!
Ведь тебе же самому
Жить, наверно, неприятно
Днём и ночью одному!“
Джин Серёге ни полслова...
Но без всяких без затей
Возвратил на землю снова
Всех:
И взрослых, и детей.

Вспыхнул свет! И сразу стало
Лучше, легче Квашнину!
Из-за шторы кинозала
Видно улицу ему.
Там трамвай звенит, рокошет,
Там автобус синий мчит...
Рад Квашнин!
И что есть мочи:
„Люди! Здравствуйте!“ — кричит.
У кино на тротуаре
Он пустился прямо в пляс:
„Люди! Как я благодарен,
Что полно на свете вас!
Обещаю всем и всюду —
Я теперь хорошим буду!
Никогда не стану я
На людей сердиться зря.

Я урок отвечаю смело,
Если вызовут к доске!
Мне лениться надоело!
Пусть теперь сидит без дела
Только Джин на чердаке!"

СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ И ПЕРО-САМОПИСКА

(Сказка, придуманная в трамвае)

Гражданка восьми с половиною лет
Купила в трамвае счастливый билет.
Гражданка билет положила в портфель,
Гражданка сказала:
„Быть чуду теперь!“

И только уселась,
Как в этот же миг
К гражданке
В трамвае
Подходит старик.
От шляпы-цилиндра
До узких штиблет
Странно обут он
И странно одет...

На тонкую трость
Опираясь
Слегка,
Он ласково шепчет:

„Меня,
Старика,
Бояться не надо...
Ведь я не злодей,
А фокусник-покусник
И чародей!
Живу я в далёкой волшебной стране,
И надо на службу к двенадцати мне.
Но стал я рассеян
На старости лет
И потерял свой трамвайный билет!
Ах, что за позор! Чародей — безбилетник!
Но, к счастью, тебя я, гражданочка, встретил.
Ты — второклассница Настя-Настасья...
Прими же, Настасья,
В несчастье
Участье!“
Настасья сказала: „А что я могу?
Как же и чем я в беде помогу?
Отдать вам счастливый трамвайный билет?
Ну что вы! Об этом не думайте!
Нет!“
„Да я ж не бесплатно, — шепчет старик, —
Неблагодарным я быть не привык!
Я щедро добром заплачу за добро.
Возьми за билет самописку-перо!
Перо-самописки приносит удачу:
Решает мгновенно любую задачу.
В классе перо удивительно ловко
Без клякс и помарок напишет диктовку...
С этим пером,
Ты смекай-ка сама,
Учёною станешь, не тратя ума!“

Подумала Настя,
Смекнула хитро: „Ну, что ж, если так,
То давайте перо“.
И отдал старик самописку, вздыхая,
Спрятал билет
И пропал из трамвая...
Отличная жизнь наступила для Насти.
Стала она знаменитою в классе.
Напишет перо за Настасью диктант —
И ахают все: „У Настасьи талант!
Быть ей, разумнице,
Наверняка
Профессором русского языка!“
Решает перо за Настасью задачи,
И все говорят:
„Через год,
Не иначе,
Нашу Настасью возьмут в институт,
К ней на совет инженеры пойдут!“

И держит Настасья всё выше свой нос.
До потолка он почти что дорос!
Но только беды в том не видит девчонка:

В классе подружек обходит сторонкой,
Книг не читает, уроков не учит.
Безделье зазнайке никак не наскучит.

Но вот за неделей другая мелькает.
Настасью учитель к доске вызывает:
„Настенька, ну-ка иди попиши,
Классу умение своё покажи“.
Для бедной Настасьи
Это — как гром!
Ведь на доске-то не пишут пером...
Пишут на классной доске только мелом!
За мел ученица берётся несмело.

Учитель диктует:
„Шумела сосна“.
Отличница пишет:
„Шум ела сасна...“
Учитель:
„Цветы зацвели на балконе...“
Настасья:
„Цвитыза свели на бал кони!“

Класс охнул и грохнул!
От хохота стонет:
„Кто этот Цвитыза?“

И чьи это кони?
И как это шум свой съела сосна?
Настя, наверно, ты очень больна?
Свинка и жар у тебя,
Не иначе!..
А Настя рекой разливается, плачет
И косы тербит,
И смотрит в тоске,
Как кони шагают
На бал
По доске...

А дальше...
А дальше про Настино „счастье“
Не стоит писать.
Не завидуйте Насте!
Прислушайтесь лучше
К такому совету:
Счастье нельзя
Получить
По билету!
И тот, кто боится
Забот и труда,
Не встретит удачи
Ни в чём
Никогда!

КАК ПТИЦЫ НА ЗЕМЛЮ ОГОНЬ ПРИНЕСЛИ

(Из сказок
североамериканских индейцев)

В незапамятную пору,
Сто веков тому назад,
Были реки, были горы,
Лес шумел с ветрами в лад,
Пёстрый луг дышал прохладой,
Вереск цвёл в сиянье дня...
В общем, было всё, как надо, —
Не хватало лишь огня.
Да и он горел... Но только
На верху большой горы.
Там за ним следили зорко
Три колдуньи, три сестры.
День и ночь они стояли
На вершине ледяной,
Книзу, к людям, не пускали
Даже искорки одной...
А огонь-то людям нужен!
Ведь, коль правду говорить,
Без огня несладко в стужу,
Да и каши не сварить.
Без огня в лесу опасно:
Зверь во тьме добычу ждёт.
Без огня на ум ни сказка,
Ни записка не идёт...
Люди спорили, шумели:
„До какой такой поры

Наш огонь в своей пещере
Будут прятать три сестры?
Как бы нам слетать на гору
И до злых сестёр достать?“
Но известно, что в ту пору
Человек не мог летать...

Был не в силах
Он, бескрылый,
Оторваться от земли,
А уже ручьи застыли,
И на лёд снега легли.
Кей-вей-кеен, ветер вьюжный,
Зло раскачивал вигвам,
И грустили люди: „В стужу
Чем согреть жилище нам?“
И тогда один мальчонка
Оказался всех мудрей:
Он позвал по-птичьи звонко
Стаю серых снегирей,
Вожака весёлой стаи
Поманил он на ладонь

И шепнул: „Дружище, знаешь
Очень нужен нам огонь!
Птицы, вы туда слетайте,
Где огонь живёт в плену...
Вы для нас, людей, достаньте
Хоть искриночку одну!“
И, с берёз осыпав иней,
Рассекая свет зари,
К ледяной большой вершине
Полетели снегири.
Полетели,
Налетели
Дружной стаей на сестёр,
С лёта грудками задели
Полыхающий костёр.
По искринке в клювик смело
Каждый взял и — прочь с горы!
И, визжа осатанело,
Посылали вслед им стрелы
Три колдуньи, три сестры...

Но по птичкам-
Невеличкам
Бесполезно бить стрелой!
Раздувая в клювах искры,
Снегирёчки мчались быстро
К лесу частому домой!
Было больно им и жарко,
И вот именно тогда
Грудки серые их ярко
Покраснели навсегда...
Но они успели пламя
Людям в руки положить,
И сказали люди: „С нами
Оставайтесь, птицы, жить!
Не страшны теперь нам стужа
И ненастная пора!
Оставайтесь, птицы, слушать
С нами сказки у костра!“
Но вожак отважной стаи,
Тот, что был мальчишкин друг,
Просвистал: „Нам славно с вами,
Только нынче недосуг:

Кто без нас осыплет с веток
Иней в зарослях рябин?
Кто зимой споёт про лето
Перелескам голубым?
Надо мчаться нашей стайке
В царство дятлов и синиц...
Вы же нас не забывайте,
Чаще в сказках вспоминайте
Красногрудых,
Крепкокрылых
И всегда весёлых птиц!"

КАК БЫЛ ВЕСЬ МИР СПАСЁН

(Из норвежских сказок)

Приснилось ночью Петуху,
Что если
В ранний час
Он
На горе
Не пропоёт —
То мир погибнет враз!
Петух с насеста слез и — в путь
Через поля, леса!
Туда, где гребни синих гор
Упёрлись в небеса.
А вслед весёлый Гусь-Не-Трусь
Кричит: „Петух! Пстой!
Тебе в пути я пригожусь!
Возьми меня с собой!“
„Ну, что ж, пойдём“.
И вот
Вдвоём
К горам
То вверх, то вниз

Идут Петух и Гусь-Не-Трусь.
А им навстречу Лис...
Лис говорит: „Друзья!
И я
Хочу весь мир спасти.
Вы пообедать в дом ко мне
Зайдите по пути“.
Петух и смелый Гусь-Не-Трусь
Заходят к Лису в дом,
А тот развёл в печи огонь,
Бренчит в углу ведром,
О камень точит острый нож.
Налил воды в горшок...

И вдруг схватил Гуся за хвост:
„Я съем тебя, дружок!
А Петуха я съем потом,
И мир вам не спасти!..“
Но Гусь разбил горшок крылом
И крикнул:
„Отпусти!
А не отпустишь — сам уйду!
Не думай, я не прост!“
Рванулся Гусь — и у врага
В зубах оставил хвост.
И мигом в дверь! А там во двор!
Петух за Гусем вслед —
И дверь снаружи на запор!
Вот, Лис, тебе обед!
Прощай, разбойник рыжий Лис,
Сиди-ка взаперти,
С отважным Гусем, с Петухом
Тебе не по пути.

Они, тебе назло, сквозь лес
Пришли на горный склон.
И песню там Петух пропел,
И был весь мир спасён!
И над горами встал рассвет
По-прежнему погож.
И вновь шумят, звенят ручьи,
А в поле шепчет рожь.
От берегов
Уходят вновь
В морской простор суда,
И машут им мальчишки вслед
С причалов, как всегда.
Лишь Гусь-Не-Трусь
С тех самых пор
Гуляет без хвоста...
Но вы-то знаете, друзья,
Что это неспроста.

КОРОЛЬ-ВОЯКА, НЕОБЫКНОВЕННАЯ МАШИНА И МАЙ-МАСТЕРОВОЙ

В дворцовый замок ночью
Пришёл тайком доносчик.
Шепнул он стражнику пароль,
Спросил поспешно: „Где король?
Клянусь своею честью,
Пришёл я с важной вестью!“
И вот
В трусах и в колпаке
Король из спальни вышел,
Он, жезл витой держа в руке,
Спросил: „Ну, что ты слышал?“
Доносчик лбом ударил в пол:
„Ах, мой король, несчастье!
Всю ночь по лужам к вам я шёл
Сквозь темень и ненастье.
Я трое суток сам не свой!
От страха весь я стыну...
В столице
Май-Мастеровой
Придумал дерзкой головой
Ужасную машину!“

Две дырки есть в машине той!

И коль в одну задвинешь

Сапог солдатский —

Из другой

Ботинок детский вынешь!

А если сунуть в дырку ту

Ружьё и даже пушку,

То, видит бог, что я не вру,

Приобретёшь

Хлопушку..."

Король утёр холодный пот

И, оглядываясь тревожно,

Спросил: „Ну, а наоборот

Пустить машину можно?"

„Наоборот? Наверно, да...

Лишь подкрутить немного...

Но не захочет никогда

Мастеровой такого".

Король ударил пяткой в пол,

Задёргал, злясь, губою,

И поднял жезл, и расколол

Паркет перед собою.

Король вскричал:

„Мастеровой?

Его в подвал я кину!

Своим умом, своей рукой

Я вспять пушу машину!

Я у мальчишек отберу

И обувь, и хлопушки...

Добро ребячье оберну

В гранаты,

бомбы,

пушки!

Мне в кованые сапоги
Обуть солдат охота:
Пускай послушают враги,
Как отпечатывать шаги
Начнёт моя пехота!
Она пойдёт за валом вал
Мой трон в сраженьях славить!
Эй, стража! Мая взять в подвал,
Машину к нам доставить!"
И в час, когда весь город спал,
Беды своей не зная,
Погнали стражники в подвал
Мастерового Мая.
Вели в глухой полночный час
Мастерового стражи;
Они, как псы, хрипели, злясь,
А он смеялся даже...
Они вокруг него металл
Штыков
Смыкали тесно,
А он, высок и прям, шагал,
Насвистывая
Песню!

И вот в тюрьме
Закрылась дверь...
Май под землёй томится,
И не узнать ему теперь,
Что в городе творится.
А там такая кутерьма —
Любой беды почище!
Стучатся стражники в дома,
Добро ребячье ищут.
Ботинки, тапки — всё берут!
Найдут с чулками ящик:
„Хватай!“ — сейчас же заорут —
И ящик
В замок
Ташат.

Король машину крутит сам...
Суёт в неё игрушки.
Она ж, гремя,
Ему к ногам
Выкатывает пушки!
Мильон солдатских сапогов
Лежит горой за тронем;
Мильон кинжалов и штыков,
И столько же патронов...
Но мало, мало королю
Набитых смертью складов!
Кричит он: „Бомбы я люблю!
Мне бомбу сделать надо!“

Тогда отняли у ребят
Последний мяч футбольный.
Король
Добыче очень рад,
И стражники довольны.
Внутри машины мяч идёт,
Поскрипывая малость.
Колёса крутятся... И вот
Полбомбы показалось,

А дальше — стоп!
Вперёд никак
Прохода нет для бомбы.
А вышла б — то наверняка
Она была бы с дом бы!
Король спешит, король терпеть
Нисколько не приучен.
Колёса начал он вертеть
Всё яростней и круче.
И бомба вырвалась, визжа,
Из дырки очень тесной,
И взрыв ударил, сокруша
Весь замок
Королевский.
И не осталось ничего от короля-
вояки.

Лишь через год колпак его
Поймали в речке раки.
Народ замки с подвала сбил,
Где Май грустил в оковах,
И для ребят он в ход пустил
Свою машину снова.
Он вновь бесплатно, просто так,

Стал раздавать игрушки,
А чтоб детей не тронул враг,
Держал в запасе пушки...
И враг уже не смел в тот край
Для грабежей врываться:
Ковал такие пушки Май,
Что лучше не соваться!
И на камнях, где был дворец,
Плясали так мальчишки,
Что слово грустное „конец“
Я вычеркнул из книжки!

Цена 41 коп.

Кузьмин Лев Иванович
БАШМАКИ-ПРОСТАКИ

Сказки
для детей младшего школьного возраста

РЕДАКТОР А. Г. ЗЕБЗЕЕВА, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР
М. В. ТАРАСОВА, КОРРЕКТОРЫ Г. А. СИНЯГИНА, И. Л. ПАРХОМОВСКАЯ.
Подписано к печати 15. VIII. 1966 г. Формат бумаги офс. № 2 84 × 108¹/₁₆.
Печ. л. 2,5 [усл.-прив. л. 4,1]; бум. л. 1,25; уч.-изд. л. 3,649.
Тираж 150 000 экз. [2-й завод — 100 000 экз.]. Цена 41 коп. Зак. 2116.
Типография издат. «Звезда». Пермь, ул. Дружбы, 34.